

ЕВГЕНИЙ
ЧЕКАНОВ

Ноиназы
Теңбіл

**Ярославль
Верхне-Волжское
книжное издательство
1987**

ЕВГЕНИЙ
ЧЕКАНОВ

★

НОЧНАЯ
ТРЕВОГА

Р е д е н з е н т П. П. Голосов,
член Союза писателей СССР

Чеканов Е. Ф.

Ч37 Ночная тревога: Стихи. --- Ярославль:
Верх.-Волж. кн. изд., 1987.—64 с.
25 коп.: 2000 экз.

Основу первого поэтического сборника ярославца Евгения Чеканова составили армейские стихи. Цикл «Военный билет» — это своеобразный лирический дневник солдата, раскрывающий его моральные и духовные качества, емко и образно рисующий жизнь сегодняшней армии.

Поэтические циклы «Острова свиданий», «От первых лучей» — углубляют образ лирического героя книги, передают чистоту и цельность человеческих взаимоотношений. В стихах, посвященных родной природе, автор не просто пытается отобразить увиденное, но и связывать каждое свое впечатление с внутренним движением души.

Многие произведения Е. Чеканова публиковались в периодической печати и коллективных сборниках, в московском «Дне поэзии», журналах «Наш современник», «Волга», «Литературной газете».

Ч 4702010200—09
— М139(03)—87 41—87

P2

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1987.

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

ПРОВОДЫ

Мы жадно смотрели на площадь и двор.
Все было до боли знакомо,
Но жесткий, железом окованный борт
Уже отделял нас от дома.

Мы жалились друг к другу, смешные птенцы,
А площадь гудела, что улей —
Табачный туман разгоняли отцы
И матери свертки тянули.

И все безнадежнее каждый искал
Озябшую голову сына.
И резкий сигнал над толпой прозвучал —
И тронулась тяжко машина!..

И следом из общего гула возник
И горестно взвился над нами
Единый прощально-напутственный крик,
Глубоко поранивший память.

Кричали — как будто забыли с утра
О долгом безоблачном мире,
Как будто мы шли не на два-полтора,
А словно отцы — на четыре...

ПИСЬМО С ДОРОГИ

На часах уже полночь... Хорошее место
Мне досталось — могу я смотреть из окна,
Как уносится вдаль сумрак рощи окрестной,
Как летит, о стволы ушибаясь, луна,
Как по близкому рельсу бежит, задыхаясь,
Очень важное что-то спеша передать.
Твой последний гонец — голубой лунный заяц.
Догоняет меня... И не может догнать.

РАЗГОВОР С КОНЕМ

Ну, что косишь ты глазом темно-карим?
Уж пустяки до кухонных дверей...
И мне не сладко — я гуманистарий,
А командиры ценят технарей.

Нелегок воз... И мне б хотелось, право,
От бремени тебя освободить.

С твоей ли статью и с твоим ли правом:
В оглоблях прозаических ходить?
Тебя бы, друг — на скачки-состязанья,
А ты везешь армейские дрова...
Но отвергает наши притязанья
Земная жизнь. Она всегда права.
К тому же завтра нашему наряду
Кормить всю часть.. А где дрова? В лесу...
Давай дотянем! И тебе в награду
Я сахару в пилотке принесу.

ЗАКЛАДКА ФУНДАМЕНТА

Кем ты был до призыва на службу —
Никого не волнует в войсках.
— Я умею печатать...
— Не нужно.
— Я стихи сочиняю...
— Не нужно.
Нужно — камни таскать!
Я таскаю тяжелые камни.
Я потею. Я горблюсь, сопя.
Ну, за что эта ноша дана мне?
Мне обидно. Мне жалко себя.
Камни в яму кидаю, кидаю.
Грохоча, исчезают они...
Не видать ни конца и ни краю
Этой яме, что бездне сродни.
Разгибаюсь. Вздыхаю устало,
Глядя по сторонам.
Ох, еще впереди их немало,
Этих чертовых ям.
Все их надо заполнить с краями:
И бетоном залить.

Говорят, это будет фундамент...
Может быть.

В КАЗАРМЕ

Где-то город в сиянье огней
И девчонка. И под руку с ней —
Кавалер, паренек невысокий...
Полон музыки, света, людей,
Брызжет смехом с ночных площадей
Этот город, родной и далекий.

Где-то есть он... А здесь — тишина,
И наливы тревожного сна,
И тоска по далекому дому.
И в окне только сопка видна,
Да заснеженный плац. И луна
Светит прямо в лицо часовому.

ПРОСМОТР КИНОФИЛЬМА

Я смотрю на экран.
Стиснув зубы, смотрю на экран.
Там целуются двое —
Ловят губы друг друга, играя...
На плацу за стеною
Чуть слышно стучит барабан —
Это в части соседней
Поверка идет полковая.

На экране — объятья
И женского взора дурман...
В зале — сдержанный храп,
Спит уставшая за день пехота.
Я один из немногих,
Кто смотрит на яркий экран,
Мне сегодня в кино,
К сожалению, снать неохота.

На экране — любовь.
Ничего тут поделать нельзя,
Разве броситься грудью
На луч нестерпимого света...
— Эй, крути поживей!..
И до боли закрутив глаза,
Жду, когда
Перестанут показывать это.

Пока служить научат нас
Под краснозвездным флагом,
Мы не один бетонный плац
Сотрем чугунным шагом.
И не однажды командир
На детский крик сорвется...
Но каждый сын в гражданский мир
Мужчиною вернется.

ТЕПЛЫЕ ВЕЩИ

В гимнастерочке, бритоголовый,
Выбегаю на плац из столовой.
И стою, ожидая развода,
Посреди полкового народа.
А мороз обжигает все резче...
И спасают лишь теплые вещи.
Руки грею о медную бляху —
К ней доходит тепло сквозь рубаху.
И душе обогреться нетрудно —
Есть письмешко в кармане нагрудном.
Только бляха, да строчки в конверте...
Но уже не замерзнуть, поверьте.

ПАУЗА НА ПЛАЦУ

Трем снегом — кто щеку, кто ухо,
Колотим сапог о сапог.
Но вот долетает до слуха
Привычно-протяжное: — По-о-олк!..
— Равняйсь!.. — понесет, как метелью,
Вдоль строя приказ волевой.
И тысяча статуй в шинелях
Согласно качнет головой.
Никто, коченея, не дрогнет.
Движенью — семь суток цепа.
И молча глядит подполковник,
Как жаркая стынет стена.
Пока эта пауза длится —
В ресницах наконится лед,
В железо кирза превратится.
И целая юность пройдет.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Вой сирены и клекот комбата,
Оружейки пронзительный звон...
Как вода, убывают команды,
К месту сбора бежит батальон.
Провожаемый бешеным воем,
Прошибаю казарму нас kvозь
И волчком вылетаю на волю,
Где за горло хватает мороз.
Словно псы накануне охоты,
Пасты люков навстречу раскрыв,
Боевые машины пехоты
Терпеливо рычат до поры.
В черных недрах — цигарок созвездья,
А на воле — сержантский состав

Убеждается, все ли на месте,
И по-тихому курит в рукав.
Говорим о «гражданке», о лете...
А над нами — ночной окоем,
Где сияние Севера светит
То зеленым, то желтым огнем.

РЕПЕТИЦИЯ АТАКИ

*Александру Хныкову,
армейскому другу*

Ротный охрип от крика,
Только руками машет,
— Этак ему теплее, —
Мрачно заметил друг.
Снова мы с ним носами
Мерзлую сопку пашем,
Снова встаем — и ветер
Рвет автомат из рук.
Завтра приедет маршал...
Где-то уж, верно, мчится
Поезд его особый,
Мягкий его вагон.
Едет смотреть ученья.
Может и так случиться —
Как мы идем в атаку,
Завтра увидит он.
Может, ему по вкусу
Удаль придется наша,
Наша стрельба по целям,
В гору лихой подъем...
Завтра мы все узнаем,
Завтра приедет маршал.
Снова идем в атаку.
Падаем и встаем.

НОЧНЫЕ ПЕСНИ

Под вечер, дежурных проверив,
Покинет казарму комбат,
И тотчас захлопают двери,
Впуская чернявых солдат.
Идет осторожно, с оглядкой,
Улыбчивый южный народ...
Дневальный ворчит для порядка,
По ключ от кацерки дает.
Он знает — они не нарушают
Казарменный строгий уют,
А просто озябшие души
В родимых словах отведут...

И вот из-за двери фанерной
До тех, кто еще не уснул,
Чуть слышно доносится первый
Неясный, но радостный гул.
Все громче и громче... Подходят
В кацерку еще земляки,
И вот уже песню заводят,
От службы и сна далеки.
И кружит по тихой казарме
Печальный, гортанный напев,
В холодную тьму Заполярья
Из теплых краев залетев.
И веет забытой печалью
На сонный армейский народ,
И даже бегущий дневальный
Со шваброй на месте замрет...

Как часто, уже засыпая
Под стоны пурги за стеной,
Напев незнакомого края
Я слушал в казарме ночной.

И пусть я не знал по-узбекски,
И пусть по-таджикски не знал,
Но эти печальные песни
Дословно тогда понимал.

ИДЕНИЙ ТЫ ПО СКВЕРУ...

Идешь ты по скверу...
И в сквере становится тише.
Но разве по взгляду,
Что ярче июльского дня,
Кому догадаться,
Какие ты письма мне пишешь,
Как плачешь негромко,
Нескорую почту кляния?

Кому догадаться,
Что все это — бред мой неясный,
Что знойный июль —
Лишь в горячей моей голове,
А я в это время
Лежу в спецпошиве и каске
За бруствером снежным,
На мерзлой колючей траве?

И скверы фантазии
Рубит команда комбата,
И мерзлые капли
С лица обдирает ладонь...
Негнувшимся пальцем
Пажму на крючок автомата —
И ахнет мороз!
И в руках затрясется огонь...

ИДЕМ ПО МАРШРУТУ

Коробят стужа сапоги и лица,
Четвертый час шагаем мы в потьмах.
И даже ротный начинает злиться
И клясть маршрут, что выдуман в штабах.
Но есть приказ. Он отдан не кому-то,
А только нам — что вымотаны, злы...
И мы идем — и не свернем с маршрута,
Пусть даже звезд не видно из-за мглы!..

КАМНИ ЗАПОЛЯРЬЯ

Здесь парни из камня, печали полны,
Несут свою вечную службу,
И мерзнут, подмяв под себя валуны,
Тяжелые танки и пушки.
Здесь падало семеро из десяти
От камня, разбитого залпом.
Здесь каждый, кто камнем упал на пути,
Такое тебе рассказал бы...
Здесь выюга тоскует... Послушай ее
В холодном, темнеющем поле,
И будь даже каменным сердце твое —
Расплывится камень от боли!

СЕВЕРНЫЕ ОБЕЛИСКИ

Забыли сонки про войну,
И снег опять, как марля, чистый...
Но кровь погибших за страну
Кипит в железных обелисках.
И мы несем свои венки
К могилам сверстников зарытых,
И мы сжимаем кулаки
За всех, кто лег под эти плиты.

МИШЕЛЬ

Сержант простуженно хрипит:
— Орлы! Теперь глядите в оба...
Встает, как призрак, темный щит
Из-за далекого сугроба.

Стоит, по пояс занесен,
Среди сверкающего снега.
А я все медлю, медлю все...
Он так похож на человека!

СТРАЖ ЗАПОЛЯРЬЯ

Имя есть... Но не так уж и важно,
Как потомки его нарекли.
Быть осталось ему — только стражем
Этой северной русской земли.

Только стражем!.. Ни милым, ни мужем,
Ни веселым и сильным отцом...
Эти облики вымело стужей
И сожгло беспощадным свинцом.

ЗАСТЫВШАЯ СЛАВА

А когда нас останется мало
На краю переломных минут —
Эти танки сползут с пьедесталов,
Эти пушики огонь изрыгнут.

И гравитные парни очнутся
И оставят нагие холмы,
И в гранитные роты вольются,
Чтобы драться и падать, как мы.

ГАЗЕТНОЕ СООБЩЕНИЕ

«Над Порвегией — летчики Штатов...»
Прочитав, не тревожьтесь напрасно —
Эта строчка лишь тенью крылатой
К вам летит с полосы типографской.

Пусть сужаются, словно от стужи,
Только наши привычные взгляды.
Мы — солдаты. Мы в армии служим.
А Порвегия — вот она — рядом!

ПОЗДНИЙ ВЫВОД

Служба — копия жизни гражданской,
Но без флерса и дымных завес,
Ежедневною лямкой солдатской
Этот флер перетерт наотрез.
Дым отброшен крутыми ветрами,
Что с законами жизни в родстве...
Открывается мир перед нами
В черно-белом своем естестве.

ПРОВОЖУ «ЗАРНИЦУ»

Сигнал атаки!.. В небе высоко
Увяли стебли двух ракетных вспышек —
И ринулась на «вражеский окоп»,
На мой окоп — орава ребятишек.

Они бежали, как в геройском сне —
На пулемет. Клубилась пыль над ними...
А я стрелял.
И страшно стало мне,
Хотя патроны были холостыми.

ПОЧТАЛЬОН

Выделен час почтальону,
Чтоб до поселка дойти,
Почту забрать батальону,
Курева взять по пути.

Выполнить это, признаться,
Если не сидеть на ходу,
Можно минут за пятнадцать...
Вот и обратно иду.

Тихо иду, неторопко.
Легким привычна ногам,
Медленно тянется тропка
По каменистым холмам.

Медленно тянутся тучи,
Купол небесный закрыв.
Ветер, сухой и колючий,
Медленный тянет мотив.

Скоро казарма... В низину
Спрыгну, казною бренча,
И с облегчением скину
Пухлую сумку с плеча.

Свежую выну газету,
Сяду на камень рябой
И, закурив сигарету,
В чтенье уйду с головой.

Смолкнет унылое пенье,
Скудный пейзаж пропадет.
Свалится с плеч на мгновенье
Груз неотложных забот.

Вспомняются рощи родные,
Речка, домашний уют...
Гляну, вздохнув, на часы я —
Есть еще десять минут.

Стану у стоптанной тропки
И молчаливо гляжу
На бесконечные сопки...
Вовремя в часть прихожу.

ЗЕЛЕНЫЕ СОПКИ

Я не скрою, что другом
Мне Север суровый не стал.
Бесぽщадною выногой
Он вирши мои освистал.
Но однажды весною
Наверное, все ж неспроста
Он открыл предо мною
Свои потайные места.
Из глубокой долины
Неслышно поднялся туман,
Оголив по вершины
Зеленых холмов караван.
И на зелени яркой,
Где был его прежний почлег,
Словно колотый сахар,
Остался нестаявший снег...
Мир был чистым и робким...
И я не пытался понять,
Где норвежские сопки,
Где паша холмистая рать.
Так необыкновенно
Они той весною цвели
На краю континента,
В краю пограничной земли.

ПОЛИГОН

В эту землю зерно не бросают,
Сроду пашней она не была.
Только танки сюда приползают,
Ободрав глиноzem догола.

Да «зилок» полигонной команды
Раз в неделю привозит солдат —
Заменить арсенал деревянный,
Что разбил чей-то меткий снаряд.

Молча спрыгнут на землю ребята,
Перекурят в машинной тени,
Глядя в поле чуть-чуть виновато.
Словно в чем-то повинны они...

Пораженные цели заменят,
И машина исчезнет в пыли,
И останутся только мишени
На холмах каменистой земли.

Птица крикнет, как будто от боли
И вздохнет, засыпая, страна...
Тишина на тактическом поле,
До рассвета стоит тишина.

ОСВЕТИТЬ ЛИЦО!

Я был хитер, я был востер,
Я козырял не зря.
И вот забрал меня майор
В штабные писаря.

И стал мой облик забывать
Мотострелковый взвод...

Но тут случился, так сказать,
Нежданный поворот.

Начальник, уходя в запас,
Во взвод меня вернул.
И в тот же вечер, в поздний час
Понеял я в караул.

Вползал туман за воротник.
Шагали молча мы.
— Стой, кто идет? — раздался крик
Из непроглядной тьмы.

— Свои, Киртадзе! Сколько лет
Не виделись, кацо?
По тьма откликнулась в ответ:
— Стой! Осветить лицо!..

И вновь — ни шороха окрест,
Потемки и туман.
Я чертыхнулся, но полез
За спичками в карман.

Поднес к озябшему лицу
Короткий острый свет,
Крича незримому бойцу:
— Гляди!..
Но мне в ответ

Затвором лязгнул постовой,
Молчание храня.
Он сразу понял — я не свой.
Он не узнал меня!

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

Нет, но-разному служат в армии...
Есть места —
По сравнению с житьем казарменным —
Красота.

Как-то раз я на дальнем стрельбище
Побывал,
Поглядел на ребят — и веришь ли? —
Завздыхал.

Операторы масло кушают,
Иют компот.
Целый день они песни слушают
Наиролет.

Чуть потыкают пальцем в кнопочки —
И отбой.
Ну, а вечером — в самоволочку,
Хвост трубой.

К ним полковник, и тот с почтением —
Ах да ох...
А не то завалят учения,
Не дай бог.

Пофартило парням со службою,
Можно жить...
Я спросил одного — не скучно ли
Так служить?

— Как не скучно!.. тоска хворобная, —
Молвил он.
— Кабы воля — сбежал давно бы я
В батальон!

ПОСЛЕДНЕЕ УВОЛЬНЕНИЕ

Я сам себе еще не господин,
Однако служба все же на исходе ..
С утра брожу по городу один
По солнечной, не северной погоде.
Какое лето выдалось оиять!
Когда б домой не возвращаться, — право,
Отсюда б не хотелось уезжать.
Мне этот город северный по нраву.

Мне жаль и птиц, галдящих у воды,
И ярких скал, нависших над заливом,
И вольных волн с их вечно молодым
И иенадедающим мотивом,
И сонок, полуурытых на балласт
Ленд-лизными судами из америц,
И набережной — той, где, верно, всласть
Матрос Рубцов гулял, сойдя на берег.
Мне жаль всего, что видел столько раз
За время службы в сопках этих выюжных,
Что так приметно радовало глаз
И неприметно согревало душу...

Но время возвращаться. Солнца диск
На небесах в бессменном карауле,
А циферблат грозит мне: торопись!
И патрули, конечно, не уснули.

Пора идти к поверке на плацу.
Но день воскресный кажется неполным,
И я опять иду к тому бойцу,
Что встал навек над сопкою безмолвией.
И вновь смотрю на строгие черты,
Всем телом ощущая темный холод,

Что падает со страшной высоты
И пополам пересекает город...

А солнце нагревает все сильней
Суровое земное полушарье,
И тень моя все четче рядом с ней —
Великой тенью стражка Заполярья.

МУЖСКОЙ ГОЛОС

И силу обрел я в сраженьи с тоской,
И ловкость... Но главное все же —
Привез я из армии голос мужской,
Что всех обретений дороже.

Он вместе со мною грубел на ветрах
И креп на морозе трескучем.
Отныне и вечно, преградам на страх,
Он будет со мной неразлучен.

Я буду месить с ним житейскую грязь,
Сжав зубы, как должно мужчине,
И в гору идти, безоглядно стремясь
К заоблачной светлой вершине.

Немногим доступна она... Ну и пусть!
Я силе и ловкости верю.
А если однажды я с кручи сорвусь —
Не стану скулить о потере.

О чём горевать? Остается со мной
Бессрочное это богатство —
Суровый, размеренный голос мужской,
Который не может сорваться.

ОБРАЗЫ ЗАПОЛЯРЬЯ

Заполярье!.. На голых плацах
В тыщи пальцев свистят метели.
Как нарывы, холмы бугрятся
На земном худосочном теле.
И казарм деревянных стены
Как суставы, в ночи стреляют.
И далеких подруг измены
Словно раны — не заживают...

Но тоски ледяная пропасть
Строевого призыва монцю
Перекрыта... О, этот образ,
Как и все, я придумал позже!
А когда я служил Отчизне
В заполярном полку морозном —
Эти образы были жизнью —
Непридуманной жизнью грозной.

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

Я открою военный билет,
Посмотрю на гражданское фото...
Не завидую мальчику, нет!
Только нету и жалости что-то.

Потому что земные пути
Каменисты сице, без сомненья,
И неведомо что впереди
У солдат моего поколенья.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не изменился ты, лес,
За полтора этих года.
Полною грудью окрест
Дышит родная природа.
Рдеет калина в кустах
И пламенеет осинник,
Птица плывет в небесах,
Не по-осеннему синих.

Падает лист не спеша,
Тихо шуршит под ногою.
С каждой минутой душа
Полнится тайным покоем.
Полною грудью дышу,
Песню пою, как умею.
И никуда не спешу
И ни пред кем не робею.

Выйду на шелест волны
В редкий сосновяк у обрыва.
Дали далеко видны,
Ясные и голубые.
Вспять поверну — и в лесу
Встану у тонкой рябины.
Холодно, как на плацу.
Ветер качает вершины...

МЕТЕЛЬ ЗА ОКНОМ

Такой метели не было давно —
Свистит и воет... Словно в целом мире
Преграды нет ей — как тому задире,
Которого, кружка, несет вино.
Того гляди, что высадит окно
И буйно загуляет по квартире...

Стыжу себя — мол, вовсе не к лицу
Трястись от страха в комнате. И все же —
Гляжу наружу, и мороз по коже:
Теперь тоска ребятам на плацу!

Согретые, как сотни лет назад,
Лишь мыслями о доме и подруге,
Они сейчас навытяжку стоят
Под жгучими пощечинами выюги.
А та, шатаясь, мечется во мгле
И, свирепея, хлещет без пощады,
И голосит... Как будто на земле
И в самом деле нету ей преграды.

Но строй стоит. Ни кашель, ни слеза
Порядка уставного не нарушат.
Звучат во тьме сержантов голоса,
Гремит оркестр в солдатских мерзлых
душах...

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАЗАРМЕ

«Создал бог отбой и тишину,
Создал черт подъем и старшину...»
Вопреки солдатскому присловью,
Вспоминаю ранний тот подъем,
Тот казенный, беспокойный дом
С уваженьем, хоть и не с любовью.

Всяко было, что уж там скрывать.
Многое не буду вспоминать.
И не стоит, прожито — и ладно!
В доме том порою трудно жить...
По когда начнут его бранить —
Мне всегда становится досадно.

Да, казарма — это не детсад.
Здесь ни лжи, ни форса не простят,
Лень и скуку вышибут моментом.
Здесь порой становится сапог,
Что летит, мараж потолок,
Самым веским в споре аргументом.

Ну, так что же — это дом мужчин!
Только клином вышибают клин.
А стоять пристойно лишь девицам.
Учат здесь работать, драться, ждать,
И в конечном счете — побеждать.
Этому полезно научиться.

Все, что было — памятно душе.
И хотя за тридцать мне уже,
Армия во мне неизгладима.
И теперь предельно ясно мне:
Я был нужен службе. Но вдвойне —
Мне она была необходима.

ОТВЕТ КРИТИКУ

Зоил! Не сможешь ты сдержать
Свой гнев фальшиво-благородный:
— Зачем все это смаковать —
Весь этот дым и чад походный?
Зачем писать про грязь в полку,
Про всем известные лишенья,
Про материшину и тоску —
Из мести иль для устрашенья?
Обиды, тяготы... Они
Везде мерещатся поэтам.
А если были — извини,
Давно пора забыть об этом.
Не сахар служба, что скрывают.
Бывает там и трудно, знаю.
Но так об армии писать,
Как ты... Нет, я не понимаю!

Увы! Не сможешь ты прожить
Те годы, прожитые мною.
Но все ж возможно разрешить
Наш спор пословицей одною.
Когда такой уж оборот,
Пускай она нас и рассудит:
«Кто не служил — тот не поймет.
А кто служил — тот не забудет».

ПРИЗНАНИЕ

— Огонь!.. И два мазка огня
Плеснулись в пустоте.
Одни исторгнула броня,
Другой — на высоте.
И черный куст поднялся вдруг
В тиши безлюдных мест...
И лишь потом донесся звук —
Разрыва тяжкий треск...

Уже давно я не служу,
Доверен сам себе.
Семью кормлю, стихи пишу
О службе и судьбе.
Но глядя на шеренги книг,
Шеренги книг чужих,
Припоминаю этот миг
Учений полковых.

И сам себе, взгрустнув слегка,
Шепчу я:
— Ерунда!
Пускай не признан ты пока.
Признают, не беда.
Ты пламя выпустил из рук
И в цель уже попал...
И лишь признанья поздний звук
Еще не прозвучал.

ПОСМОТРИМ!

Природной силою отмечен,
Всегда идешь ты напрямки.
Тебе даны крутые плечи
И кулаки-пудовики.

Я не таков. В моей породе
Верзилы были не часты.
И все же матери-природе
Я благодарен, как и ты.

Она меня не обделила
Ни острым глазом, ни чутьем.
В избытке дерзости и пыла,
И скор, и легок на подъем.

Вдобавок — в заполярных ротах
Таких, как ты, не одного
Я обошел на поворотах...
Еще посмотрим — кто кого!..

ОСЯЗАНИЕ

Я трогал седую брускатку Москвы
И струи петровских фонтанов.
Я гладил песчаные косы Литвы
И волны азовских лиманов.
Я с мурманской сопкой в обнимку лежал,
В Карелии мокнул до дрожи.
И все, что бросало в озноб или жар —
Запомнил я чуткою кожей.
Теперь, если даже лихая беда
Лишит меня слуха и зрения —
Я Родину тотчас узнаю всегда.
Достаточно прикосновенья!..

БАЛЛАДА О РОТНОМ

БЫТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Полк замерзал.
Отходила пехота
В потусторонний, мерцающий мир,
В вечность...
Но встала стрелковая рота —
Все-таки поднял ее командир.

Сорок бойцов побежали сквозь вы沟у.
Было положено спать им. Но он
Под пистолетом погнал их по кругу,
Матом крутым отзываясь на стон.
Люди молили его.
Угрожали.
Падали в снег в гимнастерках одних.
И поднимались.
И снова бежали.
И — отставала косая от них.

Утром поднялся тот полк для похода,
В памяти страшную ночь унося...
Выжило по двое-трое со взвода,
Рота стрелковая — выжила вся!

ЧЕРНАЯ РОЩА

В ту рощу ветер залстает
И в дупла гулкие кричит —
Подняться павших призывает...
Но роща черная молчит.

А он с земли листву сметает
И поднимает сотни гильз —
И рощу голую пронзает
Печальный свист, протяжный свист...

Он леденеет, наастая —
И вопль несется по стране!..
Кружит испуганная стая,
Рыдают матери во сне.

ЧУЖЛАЯ РЕЧЬ

Не страшен воину снаряд
И пули не страшны.
Но он услышал русский мат
С немецкой стороны.

И задрожал в руке патрон...
— Советские, капут!.. —
Донесся крик — и понял он,
Что власовцы идут.

Тогда он вскинул автомат...
Но даже через час
Не успокоился приклад
У потного плеча.

ВРАГ

Фашистский танк заехал в поле ржи,
Смоленское неубранное поле.
Измученный мотор не заглушив,
Усталый немец выбрался на волю.

Он закурил, и вытер пот со лба,
И синим взором мир обвел спокойно,
И пыльный колос наугад сорвав,
Растер его в промасленных ладонях.

Сияло небо, плыли облака,
Мелькали птицы, лес синел далеко,
Река блестела лезвием штыка
И волнами катилась рожь с востока.

А враг сидел недвижимо... Но вдруг
Он оглянулся, словно ненароком,
И, отряхнув чужую землю с рук,
Нырнул обратно — в лязгание и грохот!..

ОЛ РАЙТ?

Едким дымом несло со страниц.
Там слепило от страшного света,
Там хрипели и падали ниц...
Я читал фронтового поэта.

Едкий сумрак навис надо мной...
Но отвлек меня крик непонятный
И припомнил я сумрак иной —
Дым кабацкий и грохот эстрадный.
И увидел я скачущий мир,
И услышал я речи без смысла,

И разбойный мигающий ритм,
И заморские воопли солиста...

Но ушли очертанья лица,
Искаженного выкриком диким —
И опять я припомнил бойца,
Озаренного светом великим.

И подумал: как розны они!
А ведь оба — российского корня...
Но боец-то скончал свои дни,
И язык, и отчество помни.

А вот этот, что взял микрофон
Для утехи случайноголюда —
Тоже русский? Но помнит ли он,
Чей он родом, и кто, и откуда?

Весь обтянутый ярким тряпьем,
Привезенным из дальних америк,
Что он знает о крае родном?
Что он любит? Чему он не верит?

Что он крикнет, коль грянет пэра
До последнего драться патрона —
Этот парень, орущий: «Ол райт!»
В раскаленную глубь микрофона?

ОСТРОВА СВИДАНИЙ

ОБРЫВ

Отцу

Мы над обрывом стояли с тобой,
Дальний закат угасал...

— Там наша родина, — зябкой рукой
В море ты мне показал.

— Кажется, там... Или дальше чуток,
Вспомнить сейчас тяжело...

Детство мое, как земля из-под ног,
В эти глубины ушло.

Там похоронены деды мои,
Там же и мать родилась.
Все затопили... И как ни крои —
Не к чему сердцем припасть.

Ты замолчал. Била берег вода.
Молча я в море смотрел.
Где-то вдали замычали стада,
Луг заливной зашумел.

Пред наступлением ночной темноты
Волны закат обагрил...
Отчих могил родовые кресты,
Где вы? Отец — позабыл.

Родина, где ты? Хотя бы приснись,
Коль не подняться со дна!
...Как неотвязная, горькая мысль,
Бьется о камни волна.

ПЕРЕЕЗД

Л. Сержантову

До свиданья! Я переезжаю,
Продан дом и яблоневый сад,
Даже пса родного оставляю...
Никогда я не вернусь назад.

В белый сад войдут чужие люди
И гармонь чужая загрустит...
Пес на них сначала лаять будет,
А потом привыкнет и простит.

Ну, а мне-то что за дело, мне-то?
Я узлы связал и гвозди вбил,
Снял со стен заветные портреты
И прощальный ужин закатил.

До свиданья, а верней — прощайте!
Вы все те же, я уже — не тот.
Ни одна из яблоней печальных
Для меня уже не процветет.

Не ударит по скамейкам сада
Яблочный тяжелый водопад...
Велед глядеть и звать меня не надо —
Никогда я не вернусь назад.

НОЧЬ В МИКРОАЙОНЕ

Бьет полночь!.. Пугливо пустеют бульвары,
В озябших подъездах прощаются пары,
И тьма заполняет хоть редко, но метко
Высотных кроссвордов последние клетки.

Рекламы гудят, как набрякшие вены.
Недвижно стоят за стеклом манекены.
Единственным глазом, как пес беспризорный,
Сквозь ночь зеленеет огонь светофорный...

Но тыщи будильников вздрогнут со звоном,
И ржавое солнце взлетит над районом,
И горло проспекта откашляет хрипло
Горячий, свистящий комок мотоцикла!..

ПОПУТЧИЦА

Грохочут колеса,
К далекому югу стремясь.
Скользят по откосу
Вечерние плотные тени.
Она говорит мне
Про сельскую скуку и грязь,
Про дом и хозяйство...
И тянет подол на колени.
На танцы не ходит.
Подружки на БАМ унеслись.
Вот разве что сестры
Зайдут, поругавшись с мужьями...
И снова в глаза мне
Глядит из-под тяжких ресниц,
И снова — о скуке,
И снова — о старенькой маме...
Согласно киваю —
Конечно же, время не ждет.
Я понял и сам —
Холостяцкое счастье непрочно.
И жалуюсь тоже —
На вечную гору забот,
На шум городской
И свою непослушную дочку...
Она умолкает,
И смотрит в оконный проем,
Где яркий закат
Догорает под крик тепловоза...
Так пристально смотрит,
Как будто за этим стеклом
Ей что-то открылось...
День прожит.
Грохочут колеса.

ИОНЬСКИЕ ГРОЗЫ

Онять раскачались березы
И небо метнули в полет.
Отмаялись майские грозы,
Июнь по России идет —
С его неприкаянной тучей
И ветром, что волей рожден,
И молнией, радугу рвущей,
И белым от злости дождем.

Как яростный витязь былинный,
Пусть гаркнет раскат молодой,
Пусть улицы выметет ливнем,
Промоет чистейшей водой.
Гремите, июньские грозы,
И гните свое, не падя.
Мир весел! А девичьи слезы —
Не слезы, а капли дождя.

НА РЕКЕ ДЕТСТВА

Клубнично-розов бакен утренний,
Но не проснулись берега.
Туманным облаком окутаны.
Стоят окрестные стога.

Зевают лилии над листвами.
А над зеркальною водой
Круги описывает низкие
Нахальный ястреб молодой.

И небо синее безоблачно,
И так по-детски далеко...
И снова в сердце что-то прочное,
И в счастье верится легко.

КЛАДЕНЕЦ

I

Долго витязь оружье искал
По руке и по нраву.
И долину в пути миновал,
И холмы, и дубраву.
— Я желаю найти кладенец! —
Повторял он сурово,
И шагал. И дошел, наконец,
До обрыва морского.

II

Из обрыва торчит рукоять.
А вокруг рукояти
Вражья сила кишит — не унять,
И блажит: — На подъяти!..
Но булат шевельнулся, позрим,
Под напором десницы —
И полопалась почва над ним
Аж до самой столицы.
Однова повернул рукоять —
Русский трон зашатался,
А решился покрепче нажать —
Закачалися царства.
— Разделю я закат и восток,
Коль оружье подъемлю!..
И услышал: — Не трогай, сынок,
Не тряси нашу землю.
Если ты рассечешь белый свет,
То куда же нам деться?
Мы устали от крови и бед,
Укроти свое сердце...

III

Не любил он случайных помех,
Но расслабил он руку,
И увидел он двух человек —
Старика и старуху.
И узнал он родимых своих,
И услышал их горе,
И оставил булат для иных,
И пропал на просторе.

IV

Не приносит известий простор —
Только темные слухи.
Но не спят по ночам с этих пор
Старики и старухи.
Не ложится покой до утра
На усталые лица.
Все им кажется — грянет пора,
И герой возвратится.
И в запале могучей гульбы
Прочный мир зашатает...
Но уже не услышит мольбы,
И своих не узнает.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

И день прошел... И наступает вечер.
Теплы ступени старого крыльца,
Табачный дым уносит легкий ветер,
Ладонь стирает суету с лица.

Открыто взору вольное пространство,
Природа тонет в сумеречном сне.
Я вдаль смотрю...
И дух бесцельных странствий

Тревожно пробуждается во мне.
Он тихо бродит, силу набирая...
Откуда он? И сам я не пойму,
Но непреложна власть его глухая,
И нету сил противиться ему.

Освобождаясь от земных пределов,
Спеша познать почную красоту,
Душа над миром тихо полетела,
Как птица, набирая высоту.

Вот старый дом мой — вниз уходит крыша,
Звезда цигарки меркнет на крыльце.
Деревья подо мною... Выше, выше!
Пятно земли сжимается в кольце.
За кругом круг. В висках — ветров теченье.
Уже не жаль мне крыши дорогой.
И если вся свобода — в отреченьи,
То я свободен, как никто другой...

Но вот предел!.. Морозом дышит бездна,
Клубится мрак, в глазах — слепая резь.
Как здесь темно, и как легко исчезнуть,
Как одинок я, как бессилен здесь.
Назад, назад!.. Воронка ломит крылья,
Внизу не видно ни огня, ни дна...
Но душу, отягченную бессилем,
Подхватывает теплая волна.

Благословенно это возвращенье!
В родимой тьме крылу вольней стократ,
Подвластно мысли легкое скольжение...
Куда ж лететь? Куда глаза глядят.

Густых кустов глухие коридоры
Спускаются к мерцающей реке,

А за рекой — пустынные просторы
И темный лес в туманном далеке.
Лениво бродят сонные туманы
И омывают древние стога,
И ждут зари покинутые станы,
И под росою клоняется луга...

Гляжу во мглу над отчими краями
И вижу все — предела взору нет!..
Но все труднее мчаться над полями,
Все недоступней жесткий звездный свет.

Земля моя!.. Живь ты — мое спасенье,
Прости меня, отринутый простор!..
Холодное твое прикосновенье
Пронзает сердце истиной простой.

Есть миги взлета, есть часы полета,
И годы терпеливого пути,
И не уйти мне от труда и пота.
От возвращенья к дому не уйти.
Земная тяга родине присуща,
Я — человек пред нею, а не бог,
И лишь на время в небо я отпущен.
И в сумерках ищу родной порог.

Дверь заскрипит, пахнет жильем согретым,
И скажет мама:
— Вот и ты пришел...
И улыбнусь я, не спеша с ответом,
И тихо сяду за накрытый стол.

ЯБЛОНИ ЗАХОЛУСТЬЯ

Как жалобно ржавые петли скрипят,
Как шатки прогнившие ставни.
Откроем окно в засыпающий сад,
В убежище ночи заглянем.

Вглядимся в глухие черты темноты,
Недоброй, как взгляд исподлобья...
Там яблонь озябших белеют цветы —
Тяжелые, смутные хлопья.

Сквозь тягостный сумрак чуть брезжат они.
Как девичьи грустные лица...
О, сад мой, покинутый в давние дни,
Как грустно к тебе возвратиться!

Как больно тебе лепестки осипать,
Плодами ненужными капать
И ставень прогнивший опять и опять
Озябшую веткой царапать.

ГОРОДСКОЙ СЮЖЕТ

Он забудет ее,
Как дитя забывает игрушку.
Ничего не случится —
С ума не сойдет, не умрет.
Неразмениный пятак
Разменяет на трешку и двушку,
И попьет газировки,
И номер другой наберет...

ЧЕРЕЗ КРАЙ

Я и рад бы, как молвится, в рай,
Только будут ли ангелы рады?
Вечно илещет душа через край,
Через все рубежи и преграды.

Уж пора бы утихнуть... Но вновь
Прет наружу глубинная сила.
Знать, отцовскую буйную кровь
Материнская кровь не смирила.

Знать, написано так на роду —
Не смирить ее стуже и зною.
Оттого и гореть мне в аду,
Называемом жизнью земною.

СКОРО ЗИМА

Берега уже холодом скованы,
Мчат листки.
Где взъерошена, где отшлифована
Гладь реки.

На душе, как на улице, холодно.
Я один.
В небе плачет тоскливо и молодо-
Птичий клин.

СТАРАЯ ДРАМА

В этом городе драму играли
Два совсем молодых человека.
Объяснялись, бралились, прощали
Языком современного века.

По увы! — отличалась немногим
Эта драма от старой, жестокой...
Современные их монологи
Старину дышали глубокой.

С ними все было так же, как с теми,
Что ушли под кресты и под звезды,
Все, как в добре старое время —
Поцелуи, проклятия, слезы...

И в поддержку извечных канонов
Грянул гром с окончанием пьесы.
И пошел серый дождик холодный,
Место действия вмиг занавесив.

Это было давно, все забылось.
Для нее — все забылось тогда же.
Ну, а если ему что-то снилось —
Значит, был он актером неважным.

Он по белому свету скитался,
Много лет в этом городе не был.
Там лишь занавес старый остался —
До сих пор он спускается с неба...

ОСТРОВА

Острова наших тайных свиданий
Промелькнули и скрылись, как миг...
Плыли вместе в пустом океане.
Впереди нарастил материк.

Вот и суши. Победа за нами!
Отчего ж ты грустила, отиць,
В первый раз ощущив под ногами
Уж не зыбкую зелень, а твердь?

Невнимательней стал я едва ли,
Повторяя признаний слова...
Но в глазах у тебя проплывали
Ненадежные те острова.

ПЛАМЯ

Мы ступаем уже без опаски
На дремучие тропы любви.
Все нежней и все яростней ласки,
Нестерпимее жжение в крови,
Ненасытнее темная пронесть,
Где запреты утратили власть,
И отринута прежняя робость,
И с жестокостью нежность слилась!..

Но лелеет упрямая память.
Тьме земных наслаждений назло
То стыдливое, тихое пламя.
Что нам лица когда-то ожгило...

— ♦ —

Неважно, кем она была,
За что тебя любила —
Та, что впервые обняла
И целовать учила.
Забылись имя и глаза,
Судьба легла меж вами.
Остались — летняя гроза,
И сладкий стыд, и пламя...

ДАЛЕКОЕ УТРО

Я вспомню о самом хорошем,
В былое всем сердцем уйдя,
И снова увижу окошко
В алмазных надрезах дождя,
И сонное облако сада
В лучах настающего дня,
И сумрак любимого взгляда,
Пронизанный искрой огия...

То утро прошло — и осталось
В том мае, что минул давно.
Тогда мне совсем не казалось
Носбыточным чудом оно.

ОТ ПЕРВЫХ ЛУЧЕЙ

ОСЕННИЙ ЭТЮД

...Невесом,

Кружится в воздухе пустом
Осений лист. За ним другой,
И третий, тоже золотой,
Свивают в медленную нить
Все то, чего словам не свить, —
Октябрьский холод,
Свет берез,

И боль,
И соль прощальных слез
Пред неизбежным расставаньем...
И в этих нитей хоровод
Вдруг сойка пестрая нырнет —
Живой челнок в осеннем стане!..

О, птица в пору листопадов! —
Летящий перекресток взглядов
И знак непрочности удач...
Любимая, постой!
Не прячь
Своих отяжелевших глаз
В мои ладони... Веруй в нас,
Оставь природе боль и грусть,
Все будет хорошо — клянусь
Листом летящим, белым днем,
И нескончаемым путем
Осенней птицы...

УДАР

Как искры, брызнули осколки!..
Мячом вломили со двора —
И зазияла в стеклах тонких
Сквозная, острая дыра.

Меня, по счастью, не задело,
По сжалась детская душа —
В уютный мир дыра глядела,
Весенним холодом дыша.

И солнце резкое сияло
В изломах пыльного стекла,
И это было лишь начало —
Все дальние трещина ползла...

ОЧАРОВАННЫЙ

Шли бревна по реке... И сквозь туман
Бежал по ним кудрявый мальчуган.
Он резво прыгал со ствола на ствол,
И зыбкий след за ним по бревнам шел...

Далекий берег цвел и щебетал,
И мальчик очарованный бежал,
Не ведая ни страха, ни печали —
Его манили солнечные дали,
Зубчатый лес, зеленые кусты,
Просторный луг и пестрые цветы...

О, торопись!.. Не то заплачет мать.
Здесь главное — бежать, бежать, бежать.
Не задержаться на одном бревне.
А задержался — канешь в глубине!..

ЗИМНИЙ СОН

Мир трепал от сухого мороза,
И на скорый апрель не надеясь,
В зыбкий сон погрузилась береза,
В незабытые щебет и шелест.

Но пока она грезила сонно
О веселом и ветреном лете,
Стайка бабочек нежно-зеленых
Зацепилась за голые ветви.

Нежных крылышек дерзкие взмахи
Раскачали печальные плети...
И сквозь сон она думала в страхе:
— Неужели замерзнут и эти?

МЕЛКОВОДЬЕ

Пусто, мелко... Чугливая стайка мальков
Пропесется с привычной боязнью.
Здесь на выбком песке от больших сапогов
Чуть заметны оплывшие язвы.

Здесь когда-то прошел человек. Он исчез,
И давно уже след не клубится.
Кочки высятся над отраженьем небес,
Птица глянет — и мимо стремится.

Тишина. Даже ряби не видно нигде,
Шум реки приглушен и невнятен.
Рак свистит на безрыбье. И в теплой воде
Бродят тени от солнечных пятен...

СЛУЧЛЯЙНЫЙ ВЗЛЕТ

Свистнул ветер над зимней землею —
За морями услышали свист —
Подхватил и увлек за собою
Позабытый оберточный лист.
И надорванный мятый бродяга,
На себя и на родину злой,
Вдруг подобъем гудящего флага
На великой вознесся землей.
Но согнуло пустую бумагу!..
Ветер гикнул и бросился венять —
И пошло, и пошло бедолагу
По камням и канавам швырять..
Унесло его вдаль, за болота.
Но осталось, как тень в небесах,
Отраженье случайного взлета
В изумленных ребячих глазах.

ПЕРЕЛЕТ

Тех ветров — я напрасно не верил —
Оказалось довольно вполне,
Чтоб непрочное злато деревьев
Полетело вразброд по стране.
И равнины, и реки родные
На прощанье разгульно крестя,
Вдаль помчались листки отрывные,
Кувыркаясь и лихо свистя...
Ну, куда вы, шальные, куда вы?
Путь неблизок, а там — пустота.
И не видно ни крова, ни славы,
Ни звезды, ни родного куста.
Но не внемлют они, пролетая,
Чуть мелькнут — и погаснут вдали.
Исчезает лавина пустая
За границей родимой земли.

ДВЕ ПТИЦЫ

На старом сбрыве стою в тишине,
Бездонное небо двоится...
Подводная птица летит в глубине,
Подводная темная птица.

Я взор поднимаю — другая летит,
Такая же, только другая...
Летят, на мгновенье смыкаясь в нути,
И снова разгон набирая.

Куда вы? Друг друга на миг возлюбить?
Обнять одинокого брата?
Иль снова мгновенный обман пережить
И горестно прянуть обратно?

ЛЕС

Изменчив леса дикий лик
В текучем утреннем тумане —
То свистнет жалобно кулик,
То волк из чащи хмуро глянет.

Туман и глушь... Сосна скрипит,
Да иногда до боли тонко
Седую тишину насквозь пронзит
Как будто слабый крик ребенка...

ПТИЦА

С необходимостью земной
Смирюсь. Порядка не нарушу.
Но эта птица надо мной —
Зачем она смущает душу?

Зачем, зачем парит она
В струе незримого потока —
Так безнаказанно вольна,
Так безмятежно одинока?

ДЕТСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Сверкнула грозная зарница,
Дух свистнул из-под топора!..
Как белый факел, бьется птица
В сухой пыли среди двора.

Порывы к жизни тело мучат
И крылья бьют земную твердь...
А голова кричит беззвучно,
Со страхом ожидая смерть.

ВИХРЬ

На опушке, у дальнего плеса,
Где тропинка спускается вниз,
Остановят вас ель и береза,
Что в теснейшем объятии сплелись.

Их согласье на вид непреложно...
И, забыв об уроках судьбы,
Вы поверите вдруг, что возможно
В этом мире прожить без борьбы.

Только вихрь, залетевший в дубраву,
Сокрушительной дланью своей
Обнажает сокрытую правду —
Беспощадную схватку корней.

ВОСХОД В ЛЕСУ

Зябко и тихо кругом,
Лес ожидает рассвета...
Видишь — сверкнул серебром
След пробежавшего ветра?

Чувствуешь — стал горячей
Листьев безудержный лепет?
Слышишь — от первых лучей
С кроны посыпался щебет?

Розовый ломтик растет,
Полон грядущего зноя...
Солнце над миром встает,
Теплое солнце лесное!..

ПОСЛЕ РЫБАЛКИ

Сад просыпался. Зелень просыхала.
Был слышен голос мухи в паутине...
С удилищ капли падали устало,
И сохли весла — все в зеленой тине.

И старый дом дымился под лучами,
И солнышко карабкалось все выше...
И окуни ведро с водой качали,
И кот задумчиво смотрел на это с крыши.

ДЕРЕВНЯ УТРОМ

Всю почь подметали деревья
Небесную площадь свою,
И утром проснулась деревня
В невиданно-чистом краю.

Под звонкое птичеголосье
Пошли над ней облака —
Как будто высокие гости,
Прибывшие издалека.

НОЧЬЮ НА БЕРЕГУ

Смотрю во мгу с продутой кручи.
Прибой не слышен, ночь темна,
Обмылком белым в мутной туче
Скользит холодная луна.

И бродят слабые зарницы
Там, где закат давно угас, —
Как бы гигантские ресницы
За горизонтом скрытых глаз...

ХОЛОД

День — как глыба прозрачного льда,
И видны неожиданно резко
Голубая лесная гряда,
Фиолетовый дым перелеска.

Словно в линзе огромной стою,
Мир еще предо мной не расколот...
Все застыло в родимом краю,
Все сковал неожиданный холод.

ЗИМНИЙ ЭТЮД

Продутое поле, набрякший рассвет...
Ворона чертит угасающий след,
И выюга раскачивает нараспев
Пустые объемы озябших дерев.

Дорога, тоска. Замирающий звон,
Да поле. Да черные венышки ворон.

ДЕБРИ СЛОВА

Странное слово — «преданный».
Двуликое, ненадежное...
Наверно, предок неведомый
Придумал неосторожно.

А может — вложил он сразу
Два смысла в один, особый —
Так странно и страшно связаны
Славянскою речью оба...

ГРАНИЦЫ СЛОВА

У слова лишь одно лицо —
Границы замкнуты замками.
Как залежалое яйцо,
Оно засижено веками.

Но вот приходит, груб и прост,
Очередной нахальный гений,
И те слова из теплых гнезд
Берет, не ведая сомнений.

Границы слова — на замках,
Но... есть и тем замкам границы!..
И скорлупа трещит в руках,
И с криком в небо рвутся птицы.

ЗАСТОЙ

Что со мною произошло?
Над листом не поднять руки...
На душе опять тяжело,
А не выплеснуть ни строки.

Раньше с кровью, но все же шло,
А теперь не могу понять —
То ли горло чем заросло,
То ли темы пора менять?

Не вымучивается никак.
Вижу — плохо, не вижу — где.
А казалось, такой пустяк —
Петь о жизни. Как течь — воде...

ОТРЕЧЕНИЕ

Когда на коленях стоял Галилей,
Каясь в своем заблуждении,
Когда инквизитор, чтоб было верней,
Записывал факт отречения,
Земля,
 продолжая законченный спор,
Вращалась у них под ногами.
И город,
 и судьи,
 и их приговор
Ходили вокруг Солнца кругами...

Неверной рукой взял бумагу старик.
— Подписывай все, без обмана!..
И в темной Вселенной послышался крик
Сгорающего Джордано.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

И опять эти пьяные морды,
И колода замызганных карт,
И нестройные эти аккорды...
Ты о чем, новоявленный бард?

Боль и злость в искажившемся лице,
Дико хлещет по струнам рука...
Так ребенок заходится в крике,
Говорить не умея пока.

МАСТЕРСТВО

Из-под пера выходят пустяки,
Красивые — и все-таки пустые...
А мне сложить хотелось бы стихи
Весомые, как стены крепостные.

Пока нет слов... Но если б их найти —
Я б начал строить бережно и споро.
И ни разрушить, и ни обойти
Никто не смог бы этот вольный город!..

Но вот беда — уже который год
Легко ложатся строчки на бумагу,
И душу тяжесть прежняя гнетет,
И стих журчит, как речка по оврагу.

Играют волны, пенятся, блестят,
И кажется, что нет преград потоку...
А глянешь трезво — не река, пустяк!
Не зачерпнуть напиться — неглубоко...

И все ж не оставляю я пера.
Пусть роль ученика и нелегка мне,
Я верю в то, что это не игра —
Река, мелея, обнажает камни.

И верю я, что изживу грехи —
И легкость фраз, и рифмы холостые,
И что однажды я сложу стихи
Весомые, как стены крепостные.

ПОИСКИ СЛОВА

Бывает так: почти готово
Стихотворение уже,
И не хватает только слова...
Но тщетно роешься в душе.

И зря с надеждой и сомненьем,
Пока не вспухнет голова,
Листаешь чьи-то сочиненья...
Напрасен труд — не те слова!

А то, что намертво зажато
В трех пальцах, синих от чернил —
Еще никто не напечатал,
Еще никто не сочинил...

НАЧАЛО

Вам не случалось в зимний парк попасть?
Там чей-то мальчик бегает, смеясь,

И по стволам стучит... Чему он рад?
Он сотворяет краткий снегопад.

Один удар — и сверху сыплет снег...
И он под ним стоит, как бы во сне.

И никого кругом не видит он —
Он властью над стихией упоен.

Бездумная забава детских лет....
А может быть, рождается поэт?

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

Проводы	5
Письмо с дороги	6
Разговор с конем	6
Закладка фундамента	7
В казарме	8
Просмотр кинофильма	8
«Пока служить научат пас...»	9
Теплые вещи	9
Пауза на плацу	10
Ночная тревога	10
Репетиция атаки	11
Ночные песни	12
Идешь ты по скверу	13
Идем по маршруту	14
Камни Заполярья	14
Северные обелиски	14
Мишень	15
Страж Заполярья	15
Застывшая слава	15
Газетное сообщение	16
Поздний вывод	16
Провожу «Зарницу»	16
Почтальон	17
Зеленые сопки	18
Полигон	19
Осветить лицо!	19
Солдатская сказка	21
Последнее увольнение	22
Мужской голос	23
Образы Заполярья	24
Военный билет	24
Возвращение	25
Метель за окном	26
Похвальное слово казарме	27
Ответ критику	28
Признание	29
Посмотрим!	30
Осознание	30
Баллада о ротном	31

Черная роща	32
Чужая речь	32
Враг	33
Ол' райт?	33

ОСТРОВА СВИДАНИЙ

Обрыв	35
Переезд	36
Ночь в микрорайоне	37
Попутчица	38
Июньские грозы	39
На реке детства	39
Кладенец	40
Ночной полет	41
Яблони захолустья	44
Городской сюжет	44
Через край	45
Скоро зима	45
Старая драма	46
Острова	47
Пламя	47
«Неважно, кем она была...»	48
Далекое утро	48

ОТ ПЕРВЫХ ЛУЧЕЙ

Осенний этюд	49
Удар	50
Очарованный	51
Зимний сон	51
Мелководье	52
Случайный взлет	52
Перелет	53
Две птицы	53
Лес	54
Птица	54
Детское воспоминание	54
Вихрь	55
Восход в лесу	55
После рыбалки	56
Деревня утром	56
Ночью на берегу	56
Холод	57

Зимний этюд	57
Дебри слова	57
Границы слова	58
Застой	58
Отречение	59
Старая песня	59
Мастерство	60
Поиски слова	61
Начало	61

Евгений Феликсович Чеканов

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Редактор О. Н. Николаев

Художественный редактор Н. Н. Миролюбов

Художник О. П. Отрошко

Технический редактор В. М. Панфилова

Корректор А. А. Антонова

ИБ № 938

Сдано в набор 02.12.86. Подписано в печать 4.02.87. АК02505.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкнов. новая.
Печать высокая. Усл. кр.-отт. 2,74. Усл. п. л. 2,34.
Уч.-изд. л. 2,46. Тираж 2000. Заказ 111. Цена 25 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 150000, г. Ярославль, ул. Трофелева, 12.

Типография № 2 Росглавполиграфпрома, 152901,
г. Андропов, ул. Чкалова, 8.

25 коп.

Ярославль
Верхне-Волжское книжное издательство
1987

